

А. Новиков

Сломанные души

А. НОВИКОВ

Сломанные души

«Издательские решения»

Новиков А.

Сломанные души / А. Новиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831547-3

Долго думал как эту книгу назвать. В неё вошли несколько довольно разноплановых текстов: «Сломанные души», «Абитура», «Привычка жить» и «Нож». Всё же наиболее подходящим названием для книги показалось название по первому тексту, — «Сломанные души». Ведь у всех действующих лиц этих текстов, общее одно, — рваные в клочья души. Даже у 18ти летнего Васьки Башкирцева, героя «Абитуры», душа уже перекорёжена вкривь и вкось.

ISBN 978-5-44-831547-3

© Новиков А.
© Издательские решения

Содержание

Сломанные души	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сломанные души

А. Новиков

© А. Новиков, 2016

ISBN 978-5-4483-1547-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сломанные души

...Звонок. В трубке голос:

– Здравствуйте, я правильно попал? Мне директор телеканала нужен.

Мишка, приосанившись, с тщетно скрываемой гордостью отвечает:

– Да, совершенно верно, внимательно Вас слушаю.

– Мне бы передачу сделать, о предстоящем православном празднике, священник я местный.

– Да я в курсе. Обязательно снимем и покажем, и крестный ход и молебен.

– Но у меня имеются дополнительные требования кое какие, хотелось бы обсудить.

– Да не вопрос, подъезжайте, всё обсудим. Или подъеду я к Вам, если для Вас так удобнее.

– Лучше Вы ко мне, приезжайте в храм.

Подъехал к бывшему детскому садику, который якобы раньше был церковью, а новые, «демократические» власти вернули его в «лоно православной церкви».

– Чёрт. Ну почему в этой проклятой стране, даже самые благие начинания, оканчиваются банальным переделом собственности. Ведь выпросили попы у правительства разрешение на беспошлинный ввоз спиртного и табака, это миллиарды долларов прибыли. Ну и строили бы на них церкви. Но нет, проще отобрать здания у музеев, детских садов, школ, а на табачно-водочные баксы построить резиденции для высшей иерархии.

С такими далеко не благостными мыслями, Мишка вошёл в церковь. Внутри всё находилось в стадии завершения ремонта. Сразу же бросалась в глаза неоконченная стенная роспись на библейскую тему. Сам сюжет был незамысловат, но написано было мастерски, явно талантливым и равнодушным мастером.

– Это кто же у нас такой самородок? Вроде всех местных работников кисти и шпателя знаю. Но так никто из них не смог бы.– Подумал Мишка.

Посреди помещения стоял грубо сколоченный стол, за которым сидело несколько пожилых женщин, сам настоятель во главе стола, и девушка лет двадцати пяти. Несмотря на повязанный тёмный платок, резала взгляд какая то нездешняя, неземная красота черт лица, а ярко голубые глаза, буквально пронизывали душу.

– Всё. Погиб во цвете лет.

Промелькнула в голове мысль.

– Понятно кто художник. Мастер достоин своего произведения...

Поп поднялся из за стола, подошёл, сунул Мишке под нос лапу с обгрызенными, желтыми прокуренными когтями. Мишка сделав вид, что не заметил жеста, произнёс:

– Здравствуйте всем. Однако морозит на улице, продрог я изрядно.

Женщины вразной, вполголоса поздоровались в ответ. Мишку оглушило и ошарашило тихое «И Вам здравствовать» произнесённое голосом, по сравнению с которым, звук серебряных колокольчиков, – лишь жалкое дребезжание. Брошенный искоса взгляд, из под соболиных бровей, заставил дрожать каждую жилочку в Мишкином теле.

– Окончательно влип. Нет спасения.

С тоской подумал Мишка. Поп тем временем пригласил его за стол.

– Разделите с нами трапезу. Не обессудьте, великий пост нынче, скромного не вкушаем.

Мишка мельком глянул в ближайшую тарелку, увидел какое-то варево, подозрительного серо-мышинного цвета, ответил:

– Благодарю, однако позавтракал уже. А вот от чайку горяченького не откажусь.

Трапеза продолжилась в полном молчании. Мишка, прихлёбывая жиденький чаёк, откровенно таращился на неизвестную художницу. Та, заметив его взгляд, быстрым, изящным движением поправила выбившийся из под платка локон, зарумянилась от смущения, бросила на Мишку укоризненный взгляд.

– Ну нельзя же так. Я ж после этого на других баб и смотреть не смогу!!!
Окончательно впадая в тоску, думал Мишка.

Женщины меж тем закончили обедать, поп поблагодарил их за помощь в благом деле, сунул каждой напоследок лапу для лобзания, и выпроводил их восвояси. Только незнакомка, направилась в сторону лесов, сооружённых вдоль стены, на которой была неоконченная роспись. Даже в мешковатом наряде, поражала фантастическая грация её движений, потрясала красота плавной, но упругой походки...

– Ну, что ж, сын мой, пора и нам заняться мирскими делами.– Произнёс поп, выбивая Мишку из страны грёз. Подобрал челюсть, и утерев слюни, Мишка уныло поплёлся вслед за священником в его кабинет. Кабинет был обставлен вполне современно, даже компьютер серии «ЭйТи», имел место быть. Первым делом, поп открыл сейф, вынул бутылку водки.

– Вы какой напиток предпочитаете? Лично я отдаю предпочтение обычной беленькой. Но если желаете, и виски имеется, под названием "Белая лошадь», если конечно я правильно перевожу его.

У Мишки вновь отпала челюсть, с явственным стуком брякнувшись о стол. Поп продолжал копошиться в сейфе, приговаривая себе под нос:

– И закусь у нас кой какая имеется.

И расставлял на столе тарелки с уже порезанной бужениной и балыком из осетрины...

– Нехреново живут продавцы опиума для народа.

Подумал Мишка, выходя из ступора.

– Так ведь вроде пост великий на дворе, как-то не сообразуется с выпивкой и закуской????!!!

– Так это прихожанам возбраняется чревоугодничать и винопитием беса тешить во время поста. А нам, скромным пастырям, разрешено скоромное вкушать, дабы силы восстанавливать, потраченные в трудах праведных, во имя Господа нашего. Да и спиртное допускается, в разумных пределах, для восстановления нервов, потраченных там же.

Хряпнув по рюмахе для сугреву с мороза, дербалызнув по второй за знакомство, Мишка с попом познакомились, после чего Мишка, ничтоже сумняшеся стал кликать попа по простецки, – Вовкой. Опосля третьей рюмки, Вовка перешёл к делу, для которого Мишку и позвал.

– Видишь ли Михаил. Праздник ты и так снимешь, ты профессионал, не мне тебя учить, что и как. Но необходимо мне проповедь снять и растиражировать на видеокассетах. Штук 50 мне тех кассет нужно.

– А нафига кассеты тебе??? Покажу по телевидению, и всё нормально.

– Понимаешь, много наших земляков в Тюмени трудятся на нефтедобыче, некоторые в Якутии алмазы добывают. И хочу я проповедь снять, на тему «...Да не оскудеет рука дающего...». А затем разослать эти кассеты сим людям, чтоб жертвовали на мой храм.

– Понятно. Опиум для народа, с доставкой на дом. Но впрочем, – вопросов нет. С тебя 300 баксов за съёмку, и по 20 долларов за каждую копию. И через три дня можешь отправлять свою наркоту по адресатам.

Вова несколько секунд пристально и укоризненно смотрел на Мишку, затем набулькал ещё по рюмке. Молча хдобыстнули.

– Всё же удивляет меня, полное отсутствие совести у некоторых людей. Ведь благое дело прошу исполнить!

– Ты, козлотородый на совесть не пытайся мне давить. Мне её в санбате вместе с осколками вырезали, по ошибке. Будь проще. Ты пытаешься срубить бабло с нефтяников и старателей, а я часть этого бабла срублю с тебя. И ни совесть, ни религия здесь ни причём. Хотя есть один вариант, при котором мы можем разойтись краями. Я могу не только эти кассеты тебе накопировать бесплатно, но и ещё многое сделать безвозмездно, даже больше скажу, ВСЁ что взбрѣдет тебе в голову, и будет мне по силам, я буду делать бесплатно.

Попѣнок заинтересованно встрепенулся.

– Какие условия???

– Посуду наполни, опосля озвучу.

Закусив балычком, Мишка продолжил:

– Вот ты за крестины, отпевание, венчание берѣшь деньги. Давай договоримся так. Ты всё это делаешь бесплатно, а я для церкви, также бесплатно делаю всё, что в моих силах.

Попѣнок радостно взвившись на стуле, от такой «выгодной» сделки, чуть не закричал счастливым голосом :

– Михаил, да без проблем, я для тебя кого хошь, хоть отпою хоть обвенчаю!!!

Вновь выпили по стопке, Мишка меланхолично жуя, заявил:

– Ты не понял, козлотородый. Ты ВСЕМ и ВСЁ делаешь бесплатно. В ответ и я, также как и остальные, кто делал ремонт в церкви, кто будет у тебя прибираться тоже всё бесплатно буду делать. Вон тебе роспись делают, по исполнению очень близко к Рафаэлю, и тоже небось бесплатно. Кстати. Что это за девушка? Я не видел её в нашем городишке.

Вова, очень огорчѣнный срывом сделки, недовольно пробурчал:

– Из Новосибирска приехала, типа обета у неё, ездит по церквям и бесплатно малюет, что попросят.

– Твоѣ счастье, Вова, что зарѣкся я руки распускать по пустякам. Не мешало бы тебе бородѣнку выдергать за «малюет». Мы с тобой сдохнем, а люди будут смотреть на красоту эту, и души будут радоваться. Да и сейчас, не твоѣ козлиное бляение в людях будет святость пробуждать, а мечта о прекрасном, «намалѣванная» на стене твоей богадельни. Ладно, короче. Цену ты слышал, за хорошее угощение, – скидка двадцать процентов. Завтра жду звонка, если созреешь.

Выйдя из кабинета, Мишкин взгляд вновь нашарил взглядом прекрасную незнакомку. Она творила, ничего и никого не замечая вокруг. Локоны цвета воронова крыла, выбились из под платка, на слегка вздѣрнутом носике виднелся мазок краски, на губах мелькала полуулыбка, прекрасные глаза, смотрели как бы сквозь стену, в какой то другой, волшебный сказочный мир. Боясь нечаянным звуком потревожить чудесное видение, Мишка на цыпочках подошёл к двери, осторожно приоткрыл её, собираясь выскользнуть на улицу...

– До свидания.

Словно перезвон хрустальных колокольчиков, прозвучал неповторимый голос. Обмерев, Мишка обернулся. В упор, но как будто сквозь него смотрели чудесные, ослепительно яркие глаза. С трудом разжав онемевшие челюсти, Мишка невпопад прохрипел:

– Я завтра. Вернусь. Ещё.

На следующий день, с утра позвонил «пастырь душ человеческих» :

– Михаил, Как самочувствие? Я в принципе созрел, хотелось бы уточнить сумму.

– Приезжай. По дороге зацепи с собой что нибудь для поправки.

Попѣнок, мерзостно хихикая, заявил :

– Кагорчик устроит???

– Сам его жри. Будешь хихикать, щас к тебе приеду, «Белую лошадь» уничтожать.

По приезду попа, опохмелились, сошлись в цене, и договорились что за пару дней Вова подготовит проповедь, и Мишка отснимет её в уже отремонтированной и прибранной церкви.

В назначенный день, Мишка нагрузившись аппаратурой, вошёл в церковь. Всё это время, он провёл в предвкушении вновь увидеть незнакомку, вновь ощутить трепет от взгляда её неповторимых глаз. Готовился многожды умирать и возрождаться от звука её голоса...

Войдя, в чистый и прибранный храм, увидел уже законченную роспись. Леса были убраны. Быстро установил и настроил осветители, отснял проповедь, подгоняя попа чуть ли не пинками. Осипшим голосом спросил:

– А где девушка? Художница?

– Так уехала она. В другой храм. Опять рисовать.

– В какой?! Куда?!

– Не знаю, не спросил. Благословил я её, она и уехала сразу.

– Вова. За заказ денег не возьму. Сам подкину 2 штуки баксов, делай что хошь, но узнай где она сейчас. Придумывай любой повод, но зазови её сюда снова, по гроб обязан буду.

Поп задумчиво посмотрел на Мишку.

– Я постараюсь, но напрасно ты это затеял. Не от мира сего она.

Через неделю поп позвонил.

– Узнал я всё что просил ты, Михаил. В монастыре она сейчас, в монахини готовится. И даже дёргаться не вздумай, не выпустят её уже. Смирись, не вернуть её.

Прошло несколько дней. Жизнь катилась по накатанной колее, но как будто какой-то червь грыз изнутри Михаила. Стал он задумываться часто, работа не радовала, как раньше. Наконец решился. Объявил в эфире остановку вещания на регламентные работы, и обналчил все средства со всех счетов. Затем поехал к своему старому товарищу, Генке Суворину. Тот имел небольшую автомастерскую, и Мишка недавно отогнал к нему свою «шестёрку», чтоб тот перебрал ей движок и ходовую. Зайдя в мастерскую, застал там привычную рабочую суету. Нашёл Генку лежащим под «паджериком».

– Крокодил! Выползай давай!

Из под автомобиля выкатился лежак, с лежащим на нём чумазым Генкой.

– Опаньки! Кто почтил нас своим визитом! Четвёртая власть! Акула видеокамеры и микрофона!

Обычно такие взаимные подначки и шутки, при встрече друзей, продолжались довольно долго. На это время, все окружающие, бросали дела и стягивались поближе, чтоб послушать дружескую пикировку. Но в этот раз, Мишка прервал «обязательное» выступление:

– Суровый, дело есть. Пойдём к тебе.

Генка скинул рабочий комбез, ополоснул руки, и друзья направились в «офис», местного «воротилы автомобильного бизнеса».

– Ты чего сегодня резкий такой? И видок у тебя, смурной какой-то.

– Да так... Скататься нужно кое-куда. Вот и заехал узнать, сделал ты мой рыдван, нет ли.

– Миш, ну ты, блин даёшь! Сам же сказал что не к спеху! С твоим ведром ржавых болтов и гаек, ещё месяц минимум, возиться нужно!

– Понятно. Да ладно, нет так нет. Придётся на своём «паркетнике» ехать.

– Далеко ли собрался? И что это вдруг «шоха» понадобилась?

– Сам пока не знаю куда. Но чую что, на китайском «вездеходе», я там горя хлебну.

– Хм. «Шоха» тоже не БэТР ни разу. Колись давай, что случилось. Вчера Танька моя жаловалась, что канал ты свой вырубил, и она сериал какой-то свой не досмотрела. Я сам хотел тебе звонить в обед, но ты самолично объявился.

– Не знаю пока ничего. В планах, просто доехать, и посмотреть. Но как будто заноза какая внутри. Сам же знаешь, как это бывает.

Геннадий Суворин знал. Узнал и пережил он, за свой неполный тридцатник, – многое. На том они с Мишкой и сдружились. Познакомились они на каком-то «банжете», вышли покутить и разговорились. Оказалось у них много общих тем для разговоров, которые окружающим были непонятны, неинтересны или запретны. В 83м, призвался он на службу в Советскую армию, попал служить в ВДВ. Закончив Гайджюнайскую учёбку, отправили его «выполнять интернациональный долг» за Речку. Воевал в разведроты, в 85м остался на сверхсрочную, и после вывода войск, служил в разведке ВДВ. До 90го успел побывать во многих «жарких» и «горячих» точках по земному шару. А в 90м попал в Баку, где и получил пулю в голень. Ногу собрали на винтиках и штифтиках, но хромать ему было суждено, весь остаток жизни...

– Понятно... «Ниву» мою возьмишь. Я из неё прямо таки конфетку сделал. И двигло форсировал, и ходовую переделал. Везде незамерзайка залита.

– Спасибо, Суровый. Обязан я тебе. Ещё просьба есть. Если через месяц не вернусь, то с аппаратурой реши что ни то. Можешь продолжить работу, можешь распродать, на твоё усмотрение вообще.

– Жёстко. Я в «Ниве» тайничок хороший сделал. А на днях мне ТТэшник предлагали. Мне без нужды, но могу позвонить, притаранят.

– Не нужно пока. Тянет за душу сильно. Такое у меня перед рейдами бывало, после которых двухсотые плодились. Но пока ничего определённого. Ну а при нужде... По нашим временам, стволом не обзавестись, только ленивый не сможет.

– Миш. Ты вот ещё что. Когда с маршрутом определишься, заскочи. У меня «братишки в полосочку», чуть не в каждом городе имеются, адреса, телефоны дам. Подмогнут ежели чего. Да и в «Союзе ветеранов» я вес имею. Шахеры-махеры, я с ними не кручу, но поднажать могу всегда.

Простившись с товарищем, Михаил направился в церковь. Отыскал попа, поздоровавшись, попросил его:

– Володь, дай мне адрес монастыря, где художница постриг принимать будет.

– Хм. Решился, всёж таки. Варей, отроковицу ту кличут. Репнина, фамилия ейная. Знатная фамилия-то. Это конечно до пострига. А опосля, обзовут Финифтерой, какой ни то...

– Заканчивай глумиться. козлобородый! Выведешь из себя!

Поп быстро оглянулся вокруг. Увидев, что вокруг никого нет, внезапно приосанился, высверкнул из под лохматых бровей колючим взглядом.

– Прикрой пасть, салажонок! Я в прошлый раз, подъёмки твои, молча выслушивал! А сейчас, уши оборву! Нахрен! «Рэмба» бля, доморощенный! И челюсть, сука подбери! Споткнёшься об неё, и головушкой стукнёшься!

Мишка ошарашено таращился на преобразившегося попа, тщетно пытаясь произнести что-то членораздельное. Но вырывалось лишь какое-то мычание.

– Отомри! Засранец. Пошли уж, поговорим, если попал всё же.

Перед входом в храм, поп опять слегка сгорбился, одновременно выпятив пузо, и соорудил масляный взгляд. Внутри шуршала одна из престарелых «завсегдатаек» церкви. Поп подошёл к ней, привычно сунул руку для лобзания, и сказал:

– Клавдея, ты тут закончишь когда, затвори всё. А мы с рабом божьим Михаилом, «поговорим о делах наших скорбных».

Через «офис», прошли в жилище, где проживал священник. Мишка, уже привычно, удивился контрасту. Жильё было обставлено по-спартански просто. Простой стол с парой стульев, шкаф для одежды, да солдатская койка заправленная «гробиком». На стене висела фотография, в траурной рамке.

– Михаил, ты пройди дальше, на кухню. Покопайся в моих закромах, и поляну накрой. Я пока переоденусь.

Мишка прошёл в следующую комнату, бывшую кухней и столовой. Опять та же простота и скромность. В углу натужно постанывал старенький холодильник. Открыв дверцу, Мишка не обнаружил внутри ни балыков, ни ярких заграничных этикеток. Обычный набор, скромного русского человека. В морозилке упаковки с котлетами и пельменями, на полках банки с соленьями, и пара бутылок обычной водки.

– Ну а чего же. Сказано, – поляну накрыть. Надо накрыть.

Поставил на стол несколько тарелок, навалил квашеной капусты, маринованных грибов, открыл банку тушняка. Выставлять стопки и бутылку не стал.

Открылась дверь, вошёл хозяин. Одет он уже был в старенькие треники и морской тельник.

– Ну молодец. Вынь из холодильника ещё банку с черемшой. Здесь она не растёт, мне её друзья из Забайкалья присылают. Омуть был ещё, но сожрал я его. Не утерпел. И водку выставь. Ты уж извини, дрянью всякой, сегодня угощать не буду.

Уселись за стол, налили по сто грамм.

– Ну что, Миш, давай по-настоящему знакомиться. Гвардии капЗ, по-вашему, по-сухопутному, – майор. Владимир Никонов. Боевой пловец ТОФа. Сейчас конечно бывший, и капитан третьего ранга, и пловец, и Никонов.

Поп горько усмехнулся, чокнулся с Михаилом, выпил.

– А... – Хотел что-то спросить Мишка, но хозяин перебил его:

– Извини Миш, я понял о чём ты спросить хочешь. Но давай мою подноготную, мы с тобой потом ковырять будем. Ещё извини, что больше я говорить буду. Редко очень, мне по-человечески говорить доводится. Вначале о Вареньке. Она дочка моего бывшего командира, каперанга Репнина. Командир погиб в Южно-Китайском море, а я пока служил, помогал его семье. Варя с раннего детства рисовала, и в основном портреты. Странно они у неё получались. Вот живёшь с человеком бок о бок, работаешь вместе, отдыхаешь в одной компании. Нормальный вроде, обычный человек. Попадает он Варе на глаза, она портрет его рисует. Смотришь потом на рисунок, и понимаешь, а человечиска то, – дрянь. А на другой её рисунок посмотришь, и вроде тоже обычный человек нарисован, а понимаешь, что этот не сдаст никогда и спину прикроет. И главное, понять не получалось, как она это делает. Просто два хороших рисунка, а впечатления разные. И сама она не замечала разницы. Поначалу все думали, что ерунда это всё, мало ли что у ребёнка получается. Но когда ей лет пять было, несколько случаев, подтвердили правильность впечатлений от её портретов. После этого очень редко она стала реальных людей рисовать, всё больше сказочных и вымышленных персонажей. Ну а потом, когда ей лет 15 исполнилось, у меня жизнь верёвочкой закрутилась. И разошлись пути-дороги. Связи я с ними не терял, и вот 2 года назад, мама её письмо прислала тревожное.

Владимир прервался, обратился к Михаилу:

– Налей ещё по стопке. Если куришь, то кури, только форточку открой. Сам я давно не курю, но запах дыма табачного люблю.

Выпили. Основательно, по-мужски закусили. Хозяин продолжил рассказ:

– В письме писалось, что с сектой какой-то Варя связалась. Я разумеется подхватился, полетел в Новосибирск. Слава Богу успел вовремя, не успели её сильно втянуть. Побеседовал с ней. Понял, что мечется она. Предложил ей в монастыре пожить. Есть монастырь женский в Подмосковье, настоятельницей там моя хорошая знакомая, чистой души человек. Пожила она там, уверовала. Потом стала иконы рисовать, и росписи в церквях делать. Так и здесь

оказалась. Много мы с ней разговаривали. Решила она постриг принять, а я её отговаривал. Не знаю поймёшь ли ты меня...

Третью рюмку, как и заведено, выпили молча и не чокаясь. Владимир продолжил:

– ... Сейчас, это в порядке вещей. Вчера комсомольцем лозунги орал, сегодня в баптисты записался, а через день уже в церкви, лбом об пол бьётся. Только ведь нормальному человеку, такие вот виляния, как самому себе в душу плюнуть. Ладно. Отвлёкся я. Вообще отговаривал, как мог. Тут ты появился. Понадеялся я, что и ты понастойчивее будешь, и она отвлечётся. Не сложилось. Она кстати, портрет твой нарисовала.

– А?...

– Не дам. И понимаю, что сказать хотел. Что дела были, не смог сразу придти. Так вот, за текучкой, зачастую и не успеваем мы что-то сделать. А это «что-то», возможно как раз и главным в жизни было... Ладно. Переходим к главному. Уехала она обратно в монастырь. Но не доехала. По пути, она хотела заехать ещё в одну церковь, иконы подновить, там её и перехватили.

– Кто?!

– Связался я со священником тамошним. Рассказал он, что из под Питера за ней приехали. Есть там монастырь один, из новообразованных. Я уже собрался позабросить всё, и завтра туда ехать, но у тебя лучше получится.— Священник улыбнулся.— Вижу готов уже.

– Конечно готов. Для того и приехал. Давай адрес, утром выезжаю.

– Хм. Торопыжка. А мне говорили что ты имеешь навыки подготовки спецопераций, склонность к аналитическому мышлению.

– Какие спецоперации???! Володя, ты о чём?! Приеду, заберу Варю. Вернёмся сюда.

– Не так всё просто. И из обычной обители, послушника не легко вернуть. А оттуда человека чтоб выдернуть, так и вообще без артподготовки тяжело.

За разговорами просидели до самого утра.

Утром, Михаил доехал до Генки, оставил ему свой «паркетник», и забрал «Ниву». За день отоспался, приготовил еды в дорогу. В ночь выехал. Он любил ездить по ночам. Движения по трассе почти не было, и была возможность обмозговать информацию. Он вспомнил рассказ бывшего боевого пловца:

– Как я в религию ударился? Сломался я. А вера помогла кукушкой не поехать, и не опуститься. В 86м, ушли мы в Камрань. А когда вернулся, у меня уже не было семьи. Пока мы в Южно-Китайском море гоняли пиратов, мою жену и дочку машиной сбили, насмерть. Сбил их первый секретарь одного из райкомов партии. Был в дым пьян, и гнал на своей чёрной волге, под полтораста километров. Мои как раз из садика возвращались, вот на переходе и встретились с этим уродом. Суд его оправдал. А я его решил завалить. Ничего страшного в этом не было, но заиклился я, хотел глаза его видеть, когда сдыхать будет.

Проследил за ним, и выбрав время, забрался в его загородный дом. Вернулся он поздно, все спали уже. Я его на входе взял. Уже собрался нож вогнать, но тут дочурка его, из спальни вышла. Малышка совсем, годика 4—5. Не закричала. Молча подбежала к отцу, обняла его за ноги, и смотрит на меня. Глазёнки огромные. Синие. И ни страха в них, ни ненависти. Мольба только. Тут я и сломался. Понял что не смогу больше никого, никогда убить.

Начал пить. Из армии уволили. Совсем почти опустился, но повстречался мне человек один. Не священник даже. Сводил в храм. Потом договорился с настоятелем монастыря, и послушником меня туда определил. Срывался я пару раз, но всё же к вере пришёл. А потом и сан принял. Поначалу дали приход заваященький. Сам церковку ремонтировал. Не пил, все уклады соблюдал. Народ пошёл. Но потом начались все эти перестройки-переделки, и сорвали

меня с прихода. Определили церковный спецназ натаскивать. Чего ты глазищи выпучил? А ты как думал? Церковь, она хоть и отделена от государства, но находится то в нём. В церквях и ценности имеются, и иерархов охранять надо, и фуры с беспошлинным бухлом и табаком сопровождать. Поначалу то пытались ментов нанимать. Но те и за охрану бешеные деньги драли, а потом и бандюганам сдавали. А то и сами грабили.

Опять всё вошло в колею. Пока в одном из приходов, священника не убили. В миру, Жмень фамилия его была. Громкое было дело. Сначала на сатанистов грешили, потом решили на алкашей просто списать. Меня следак знакомый, попросил проконсультировать. Эксперты в тупик зашли, след как будто от серпа на теле остался. Посмотрел я. Ты должен знать, что сухопутный ножевой бой и подводный, сильно отличаются. В подводном бою, тычковые удары, почти не используются, там же как в невесомости, ткнул и сам отлетел. Поэтому в основном применяются удары режущие. А чтоб легче нож разрезал гидрокостюм и шланги акваланга, применяют серрейторную заточку лезвия. Вот и на теле Жменя, следы остались от серрейтора. Три раны в форме буквы Z. Но добивающий удар был нанесён в ярёмную вену. Ни сатанистами, ни алкашами здесь и не пахло. Работал явный спец.

Следаку я не стал ничего говорить, потянул время, полистал уголовное дело. И поплохело мне. Следак настырный попался, раскопал много чего. Многим «священник» занимался. А в последние несколько дней, к нему из монастыря приезжали люди. Монастырь этот заново создали, выстроили очень быстро. Вообще, он женским считался, но и монахи там крутились какие-то. Троих таких «монахов» ко мне присылали, на курсы. О себе они не рассказывали, но у одного явные ухваточки боевого пловца были. Вообще пересеклись интересы того «священника» и этого «монастыря».

Как я и сказал, не стал я следака в блуд вводить. Но загрустил сильно. Следака этого заставили быстренько дело закрыть. Как-то подозрительно легко, обнаружили церковную утварь, у алкаша местного. А через три дня отсидки в СИЗО, он и сам чистосердечное накатал. Сделал я вид, что опять запил. Перестал занятия проводить, ну и вскоре здесь очутился. Так и играю роль дурковатого, жадноватого попёнка. Ну и самое главное. За Варенькой приехали, из того монастыря. Переживаю я. На прощание, ещё вот что скажу, все с кем мне там заниматься пришлось, в основном из десантуры и морпехов пришли. Здоровые ребяташки. «Маваши-Гири» машут, – загляденье просто! А вот бой в нижнем уровне, и в ограниченном пространстве, вообще не поставлен.

Пролетела ночь. Мишка проезжая через какой-то городишко остановился переночевать в гостинице. Перекусил. Хорошо отоспался. Вечером продолжил путь.

На следующее утро, он уже подъезжал к Вышгороду, возле которого и находился нужный монастырь. Уже при повороте с центральной трассы, стали заметны перемены. Более ухоженное полотно дороги, новенькая разметка и знаки. Перед въездом в город, стоял милицейский КПП. Здесь тоже всё было не так, как в предыдущих городках. Два высоких, подтянутых гаишника с «сучками» через плечо, останавливали каждую машину. Движение, в этот ранний час, было небольшое. Когда Мишка подъехал к КПП, впереди была всего одна машина, которую досматривал гаишник. Второй махнул жезлом Мишке, приказывая ему остановиться. Подойдя, гаишник представился:

– Капитан Самсонов. Пожалуйста приготовьте документы, выйдите из машины и откройте багажник.

Мишка вынул из бардачка документы на машину и вышел из машины. Не торопясь открыл багажник. Офицер нырнул вначале в машину, повозился внутри. Вышел, заглянул в багажник. Увидев парашютную сумку, спросил:

– Что везёте?

– Да ничего особенного. В сумке бельишко кой-какое, да сухпай.

Гаишник сверкнул взглядом, услышав явно хорошо знакомое словцо. Взял документы, начал их рассматривать. В это время, от машины, осматриваемой вторым ментом, раздался крик:

– Самсон! Подойди сюда.

Капитан напружинился, машинальным движением поправил укорот на плече, пошагал к напарнику. Машина стояла недалеко, в рассветных сумерках, хорошо были видны и хозяева машины, и второй гаишник. Хозяева были явно кавказцы. Подойдя к машине, капитан заглянул в багажник иномарки. Напарник сместился так, чтоб в секторе находились оба кавказца. Движения были машинальными, без всякой картинности.

– Хм. Так двигаться может человек, либо после долгих тренировок, либо после долгого нахождения в зоне боевых действий. Если здесь такие «гаишники», представляю какой здесь ОМОН или СОБР.– Думал Мишка, также машинально уходя из сектора обстрела гаишника.

Офицер между тем, осмотрев багажник, что-то скомандовал напарнику. Тот пошёл к машине, капитан стал сдвигаться к бородачам. Мишка загляделся, для знающего человека, это было как балет. Два человека двигались как единый механизм. Без каких-то слов, они одновременно двигались, ни разу не пересекая директрису друг другу, и в тоже время, каждое мгновение, как минимум один, следил за кавказцами. Старший заговорил с бородачами. Те загомонили, махая руками и что-то протягивая. Капитан, без лишних слов, передёрнул затвор АКСУ досылая патрон в патронник. Кавказцы упали на колени, сложив руки за головой.

– Гы! А духи тоже опытные! – подумал Мишка.

Второй гаец, вытащил какой-то баул из багажника, и поволок его в КПП. Капитан отрывисто гаркнул команду, оба кавказца запрыгнули в машину, и развернувшись, поехали прочь. Офицер-гаишник направился к Мишке. На ходу отстегнул от автомата магазин, передёрнул затвор, поймал на лету патрон, сделал спуск, щёлкнул предохранителем, защёлкнул в магазин патрон, прищёлкнул его к автомату. Всё это одним слитным размазанным движением. Подойдя, сказал обыденным голосом:

– Давайте с вами продолжим.– Вынул из нагрудного кармана Мишкины документы. Полистал страницами.

– Издалека пожаловали. С какой целью?

– Друг посоветовал. Года три назад, он отдыхал в здешних местах, говорит рыбалка хорошая здесь.

– Хм. Какая зимой рыбалка. Летом да. Правда и сейчас сига можно наловить. Где жить будете?

– Так я не только, и не столько на рыбалку. Отдохнуть просто. Собираюсь домик снять, а пока в гостиницу поселюсь.

– Хорошо. Утром обязательно в управу зайдите, отметьтесь. Здесь всё написано.– Он сунул в руки Мишке, какую-то брошюку.

– Жёстко у вас здесь. Зона какая что ли? До границы вроде далеко. Да и друг мне о строгостях ничего не говорил.

– Жёстко. Зато тихо и спокойно. Тех «пассажилов» видели? Район у нас русский, у этих клиентов здесь, ни родни, ни друзей, ни знакомых. Значит и им здесь делать нехрен.

– Что, прям таки чисто русский?

– Ну... это я конечно преувеличил. И финны живут, и карелы, и татар несколько семей, чувашских пара деревушек. Даже немцы есть. Но они все местные, все друг друга знают. Кстати, пока не забыл. Заметил я, как ты с линии огня уходил. Служил?

– Довелось.

– Заглядывай вечером в бар. «Блокпост» называется. Наши там, все собираются. После дежурства, и мы со Шмелём туда подтянемся. И ещё. Ты в наш местный «дом колхозника» не заезжай. Тут прямо, на выезде из города, приличная гостиница имеется, – «Приют».

– Хм. Название, однако. Не последний, надеюсь?

– А это как себя вести будешь! – весело оскалился капитан.

Гостиница внешне, выглядела вполне пристойно. В фойе сидел спортивного вида секьюрити, на ресепшене миловидная блондинка. Мишка подошёл к стойке.

– Здравствуйте, барышня. Мне бы номерочек одноместный.

– Здравствуйте. Номера есть. Карточку из мэрии вы получили?

– Пока нет. Меня уже предупредили, что зайти туда нужно. Но ведь рано ещё.

– Хорошо. В таком случае, я вас на сутки оформлю. А когда ходите в мэрию, там решим.

Паспорт ваш, пожалуйста.

Оформившись, Мишка поднялся в номер. Он был небольшим, но уютным. Всё необходимое было в наличии. Ополоснувшись под душем, тихонько включил телевизор, и принялся читать брошюрку, которую ему сунули на въезде. Суть всей книжицы, сводилась к следующему: «Никого не трогай, и тебя не тронет никто. Будешь наглеть, – пеняй на себя». На последней странице, была вклеена карта района. В низу этой карты, было примечание, – «Находиться в районе, отмеченном красным цветом, строго запрещено!». Зловещим красным цветом, было отмечено место

положения монастыря.

Около десяти утра. Михаил подошёл к мэрии. Типовое здание бывшего райкома партии, возле центрального входа, даже сохранился стенд: «Ими гордится район». На входе, в вестибюле стоял охранник.

– Да чтож они все какие подтянутые то? Уже и гайцов повидал, и охранников, и ни одного пузана. Все как будто только что учёбку ВДВ закончили.

Охранник приблизился, вежливо спросил:

– Вы к кому? Что-то подсказать?

– Я приехал сегодня. Меня предупредили, что сюда нужно обязательно придти.

– На первом этаже, седьмой кабинет. Там вам всё объяснят.

В седьмом кабинете сидела молодая дама, лет пятидесяти. Поздоровавшись, попросила паспорт, затем сжато пересказала содержание брошюры, так же особо подчеркнув запрет находиться в районе монастыря. В окончании, что-то нащёлкав на клавиатуре компьютера, вынула из аппарата, похожего на принтер, карточку.

Вернувшись в гостиницу, несмотря на жгучее желание, прямо сейчас ехать в монастырь, разнести его по камешку и выручить Варю, сдержался. Решил вечером сходить в бар, переговорить с местным контингентом, и просто пройтись по улицам, осмотреться.

Город был чистеньким, ухоженным. Зашёл на рынок, поразило отсутствие нерусских продавцов. Прошёл по улицам, зашёл в кафе перекусить. После, прошёл вокруг бара «Блокпост». Оформители поработали хорошо. Стены были обложены «мешками с песком» из пенопласта. Окна в форме бойниц, скалились закопченными проёмами, по стенам шли неплохо исполненные, выщербины от очереди из ДШК.

Вечером, около шести часов, пошёл в бар. На входе, два парня поводили металлоискателем, вдоль тела, в ответ на писк прибора, попросили показать, что в карманах. Убедившись, что оружия нет, пропустили. Внутри всё было скромно, не было никакой атрибутики в форме муляжей. Только на одной из стен, занимая приличную её часть, висели небольшие фотографии в траурных рамках.

Народу было немного, поэтому Мишка устроился за угловым столиком, так чтоб в поле зрения был весь зал. Почти сразу, подошла официантка.

– Что будете заказывать? Если будете водку, то имейте в виду, первые и третьи сто граммов, за счёт заведения.

– Хм. Вообще то я пива хотел. Но если у вас такие правильные порядки... Но одному водку пить, как-то несерьёзно. Не можете посоветовать мне, с кем бы из посетителей, можно бы было за боевое братство выпить?

В это время отворилась дверь, и в зал ввалились знакомые ГАИшники. Официантка заулыбалась, и ответила Мишке:

– А вот Самсон со Шмелём, после дежурства пришли. Ребята они общительные, поддерживают компанию.

– Очень кстати.– Улыбнулся Мишка.– Тем более, что мы уже и знакомы шапошно. Тогда водки на троих, чёрного хлеба, и ещё чтонибудь закусить.

Парни, войдя в зал, приветствовали знакомых, перекидывались с ними беззлобными шуточками. Заметили Мишку, капитан махнул ему, в знак приветствия рукой. Михаил поднялся и подошёл к парням.

– Ребята, поддержите компанию?

Первым отозвался, более молодой, Шмель:

– Да запросто!

– Почему бы и нет? – Поддержал Самсон.

Расселись за столиком, пришла официантка. На подносе стояла запотевшая бутылка, на алюминиевой миске, лежали крупно порезанные ломти чёрного хлеба. В ещё одной миске горкой наваленная, лежала тушёнка, а на тарелочке порезанная луковица и горка крупной, серой соли.

– Да-а-а душевно здесь у вас.– Восхитился Мишка.

– А то! Хозяин заведения афганец, бывший командир десантно-штурмовой роты.– Ответил капитан. Затем обратился к девушке:

– Любаша, мы с работы, голодные как волки. Да и товарищ нормально поест, я думаю не откажется. Давай как обычно, но на троих.

– Хорошо, Сань. Пельмешки уже запустили варить. Как готовы будут, – принесу.

Как старший по возрасту, Самсон, взял бразды правления в свои руки, откупорил бутылку, одновременно ведя разговор:

– Для начала. давай знакомиться. Я, – Сашка Самсонов, можно Самсон. Это, – Петька Шмельёв, партийная кличка, – Шмель. Под Кандагаром я взводом командовал, а Петька, замком у меня бегал. Ну и ты озвучь, чьих будешь?

– Михаил Портнов. Можно Бурятком кликать. Бывший прапор ОСО ГРУ. Шесть раз за Речкой хулиганил.

– Наш кадр.– Одобрительно сказал Самсон, а Шмель утвердительно кивнул.– Ну что, парни? За знакомство, за нас, и за всех, кто цену жизни знает!

Выпив, закусили кто чем. Шмель, захрустел луковицей, Бурят с Самсоном потянулись ложками к тушёнке.

– Тушняк ешь, нормальный. Хозяин её сам делает. Сейчас пельмени принесут, тоже оценишь. Петрович из Сибири родом, начинку сам готовит, а женщины лепят. Вкуснее пельменей, я не пробовал!

– Попробуем. Я ведь тоже сибиряк.

Подошла девушка официантка, неся на большом подносе три больших тарелки, на которых с горкой были навалены исходящие паром и ароматом пельмени. Налили ещё по рюмке, Шмель произнёс обычный, в таких случаях тост: «За тех, кто в стропах и сапогах». Выпив, налегли на еду. Пельмени были действительно очень достойными. Несколько минут, все молча, сосредоточенно насыщались. «Заморив червячка», парни откинулись на спинки кресел, довольно отдуваясь.

– Да-а-а, знатные пельмешки. Самое оно.– Довольно пропыхтел Мишка.

– А то! Подольше задержишься, ещё и беляши его попробуешь! Вообще, молодец Петрович! И женщины, что ему помогают, от души готовят. В основном, мамы и вдовы, афганцев погибших. И им приятно, как для своих готовят, и денежка какая-никакая капает. К слову. Давайте парни, за тех, кого с нами нет.

Молча подняли рюмки, каждый задумался на какие-то мгновения, так же молча выпили. Некоторое время каждый думал о своём. О друзьях, погибших в необъявленных войнах. О том, что сами остались в живых, назло всему.

Тишину нарушил Самсон.

– Ладно, парни. Я домой. Шмель, ты как?

– Любаша сменится скоро. Мы с ней на танцы собирались.

Оба вопросительно взглянули на Мишку.

– Я посижу здесь ещё. Хорошо здесь.

Сашка ушёл. Ребята остались вдвоём. Мимо их столика, несколько раз пробежала Люба, и по взглядам, которыми она обменивалась с Петром, понятно было, что между ними нечто большее, чем просто взаимная симпатия. Внезапно в зал вбежал парнишка, лет семнадцати, подбежал к столику.

– Петька!!! Там Самсона повязали!!! Увезли куда-то!!! – Шмель взвился со стула:

– Кто?! Куда?!

– Куда не знаю. Подъехали эти, как их? Попы вообще. Ткнули Самсону шокером, бросили в машину, и увезли!

– Ну с-с-суки!!! Пор-р-рву нахрен!!! – Обернулся к Михаилу:– Поможешь?!

– Нема базара! Показывай! Кого, где, и на какие кусочки?

– Бля. Я даже и не подумал...

– Ну вот. Давай ка ты Любу предупредишь что сегодня занят. Потом заберём со стоянки мою машину и заедем ко мне в гостиницу.– Мишка подозвал паренька, принёсшего весть:– Теперь с тобой юноша. Что за «попы»? Какая машина была?

– Попы из монастыря с острова, трое. Подъехали к Самсону, пока двое с ним базарили, третий шокером в шею ткнул. Машина чёрный джип, марку не знаю.

– Молодец. С чего ты взял, что это именно попы?

– Униформа у них такая. Все длинноволосые и бородатые. А одного я знаю, он наш, местный, – Федька Столяров. Он уже года два, в монастыре в охране работает.

– Умница. Адрес этого Федьки знаешь? – Паренёк кивнул головой. Мишка придвинул к нему салфетку, сунул авторучку.– Пиши.

Приехав в гостиницу, и зайдя в номер, Мишка обратился к Шмелю:

– Теперь колись. С чего Самсона взяли, и почему ты сразу к своим, к ментам не побежал.

– Ну-у-у...

– Если хочешь помочь своему командиру, то чётко и членораздельно. Будешь мычать и телиться, станет поздно.

– Три дня назад, нам с ним стукнули, что местным толкачам наркоты, крупную партию дури привезут. Мы с Самсоном их прихватили. Сбытчиками оказались двое монастырских, при них три кило героина было. Герыч мы забрали, а попов отпустили.

– Почему отпустили? Почему героин и попов в ментуру не сдали?

– У районного начальства с монастырём, давняя договорённость, что они в районе не гадят, а мы их не прихватываем. Если бы мы их сдали, то их отпустили бы сразу, и герыч бы вернули.

– А вы с чего в робингуды решили записаться?

– Да мы и не записывались. Пока в районе попы наркотой не баловались, и мы их не трогали. А с недавних пор инфа пошла, что местных пушеров кто-то наркотой снабжает. У Самсона давние счёты с наркоторговцами. У него братишка на игле сидел, еле сдёрнул его Сашка. Вот мы и прихватили поставку.

– Понятно. Большие боссы, вряд ли бы стали из за мелочёвки, договорённости нарушать. Значит шестёрки по лёгкому бабла решили срубить. Значит и Самсона где ни то здесь притырят и колоть будут. Герыч вы спрятали или уничтожили?

– Спрятали.

– Ну и ладненько. Значит время есть. Часа четыре, они капитана колоть будут. Потом к тайнику поедут. Там мы их и прихватим.

– Не расколется командир.

– Сказки ты в школе пионером рассказывать будешь. Раскалываются все. А время зависит от навыков того, кто допрашивает. Спецы здесь вряд ли есть, поэтому я и посчитал четыре часа. Ну а для надёжности, мы с тобой сейчас к Феде наведаемся.

Приехав по адресу, увидели небольшой, аккуратный домик. Мишка спросил:

– Шмель, ты сам этого Федю знаешь? С кем он живёт?

– Знаю. Один он живёт. Мать прошлый год померла.

– Ладно. Ты в машине посиди, а я по окошкам пошукаю.

Окна в доме ярко светились, в одном мелькали цветные сполохи от включенного телевизора. Двор был очищен от снега. Со двора, куда-то за дом уходила тропинка.

Мишка прокрался к одному окну, попытался посмотреть, прислушался. Двойные, обледеневшие окна, не давали возможности понять кто находится в доме. Он вернулся к входной двери, осмотрел её. Дверь была капитальной, металлической. Но вела не сразу в дом, а в сени. Мишка прошёл по тропинке, вёдшей на зады, увидел там ещё одну дверь. Усмехнулся.

– Россия матушка. Спереди стальная дверь с сейфовыми запорами, а с тыла ещё одна, из дощечек сколоченная. Ну а как же? Надо и до сортира бегать, и в сараюшку. Не возиться же каждый раз с замками сложными? А потом ещё и вокруг дома оббегать.

Вынул из кармана мультитул, выщелкнул лезвие, и поводит им между косяком и полотном двери. Нашупал накидную щеколду, аккуратно снял её. Осторожно отворил дверь, вошёл в сени. Нашарил дверь в избу. Опять лезвием ножа, по миллиметру стал открывать. Когда появилась щель сантиметров в десять, заглянул и послушал. Перед включенным телевизором стояло кресло. Возле кресла на столике, стояло несколько пивных банок и пакетики с чипсами и сухариками. Мишка осторожно просочился в приоткрытую дверь, подошёл к креслу. В нём дремал молодой, крепенький мужик. Мишка коротко и резко, ударил его кулаком в висок. Вынул из кармана, загодя приготовленные электротехнические хомуты, стянул ими мужику руки и ноги. Дополнительно притянул руки к подлокотникам кресла. Затем не спеша вышел на улицу, подошёл к своей машине.

– Ну что, Бурят?! Дома он?

– Дома, дома. Сейчас разговаривать пойдём. Там в бардачке, ещё пару-тройку хомутов вынь.

Вернулись в дом. Увидев упакованного хозяина дома, Шмель остолбенел.

– Миш. Ты это как?

– Каком. Ну что, про командира своего, сам спросишь?

– Сам.

Фёдор уже очнулся, брызгаясь слюной, крыл матом, и тщетно пытался порвать нейлоновые путы. Шмель подошёл ближе:

– Слышь, урод. Пасть закрой. Куда Самсона увезли? Колись!

– Пшёл нахер, ментёныш! Хана твоему начальнику, на лоскуты его порежут!

Шмель резко ударил пленника в челюсть.

– Говори, сука!

Федя сплюнул изо рта кровь, часть кровавого сгустка повисла на аккуратно постриженной бороде. Криво усмехнулся.

– А за это козлёнок, я тебя надвое разорву. На одну ногу встану, а за другую дёрну. Ты сука, на сержанта спецназа ГРУ, руку поднял.

Шмель ударил ещё несколько раз, повторяя вопрос. Фёдор только мотал головой, смеясь в голос. Всё это время. Мишка сидел в стороне, с отстранённым видом. Затем встал и подошёл к Шмелю.

– Хм-да. Если и Самсона также раскалывают, то я ошибся. Он действительно может и не сдать тайник. Ладно, поди отдохни, запарился уже.

Затем взял со стола настольную лампу, выдрал из неё шнур. Зачистил мультитулом концы. Заговорил с Фёдором, одновременно приматывая оголённые концы шнура к его пальцам на обоих руках:

– Я пока ничего спрашивать у тебя не буду. Захочешь говорить, дашь знать.

Мишка притянул руки и ноги Фёдора дополнительными стяжками. Затем вставил вилку в удлинитель. Тело выгнулось дугой, все мышцы сводило судорогами. Изо рта рвался рык. Глаза выкатились из орбит. Бурят выдернул вилку. Фёдор ослаб. Взгляд постепенно стал осмысленным. Не дождавшись знака, Мишка опять вставил вилку. После третьего контакта, Фёдор замычал и замотал головой.

– Что Федя? Говорить захотел? Ты только не торопись. Я сейчас тебе вопросы продиктую, а ты мне коротко и точно на них ответишь. Покажется мне, что ты врёшь, я тебе один провод на мошонку перецеплю.

Больше Фёдор не упрямился. Рассказал что Самсона, он с подельниками сюда привёз вначале. Но почти сразу приехало их начальство из монастыря. Учитывая что Федя в гешефте не участвовал, а был всего лишь водителем, его не тронули. А Самсона и пушеров забрали на остров. Оказалось, что Шмель с Самсоном прихватили не только партию наркоты, предназначенную для местных дилеров, но и крупную партию, которую в другую область должны были отвезти.

– Ладно. Петро, ты иди в машину, а я здесь приберусь, и тоже приду.

Шмель вышел. Мишка открыл шкаф, нашёл утюг. Затем разложил гладильный стол, бросил на него стопку постельного белья, и сверху поставил утюг, включив его в сеть. Проходя на кухню, остановился возле Фёдора.

– В какой бригаде служил, Федя?

– В Чучковской.

– Знакомо. Ты уж прости, коллега. На жуткую смерть тебя обрекаю. Но сам виноват. Мог бы жить честно, и долго.

Затем прошёл на кухню и открыл газовые краны на плите...

Отъехав на пару кварталов, Мишка остановил машину. Повернулся к Шмелю:

– Всё усложняется, Петя. Если бы эта наркота была только шестёрка, то Самсон бы сейчас уже с нами сидел. Но вы зацепили крупные фигуры. Даже к тайнику приедут уже не 2—3 человека, как предполагалось, а 4—5. И наверняка вооружённые. Нам двоим они не по зубам.

В это время, за домами громыхнул гулкий взрыв, и над крышами частного сектора взметнулось пламя.

– Бурят! Это! Это!... – Запричитал Шмель выпучив глаза.

– Война это, Петя. А ты думал что я за спиной живого врага оставлю? Чтоб он либо сам мне мстил, либо монастырскую мафию на меня натравил? Он конечно не думал что так всё для него закончится, когда с наркотой связывался. И вы с Самсоном не думали что в войну ввязываетесь, когда наркоту у них отбирали. Но дело сделано, война началась, покойники стали плодиться. А нам Сашку ещё отбивать. И опять трупы будут, если сами не одвухсотимся. У тебя есть ещё возможность спрыгнуть. Что ты в это дело замешан, только я и Самсон знаем. Сашка тебя не сдаст, я тоже.

– А ты? Про тебя вообще никто не знает.

– Так получилось что ваше дело, с моим переплелось. И нам пока по пути.

– Миш, если мы Самсона не отобьём, что с ним сделать могут?

– А это однозначно. Если мы не пошевелимся, Сашке не жить. А вы, когда забирали наркоту, думали что в худшем варианте, мордобоем обойдётся? Ориентировочно, три кило герыча стоит около трёхсот тысяч баксов. За такие деньги, весь ваш ментовский участок, под нож пустят не задумываясь.

– Командир в Афгане мне жизнь спас. Я с тобой.

– Хорошо. Тогда соображай, где мы до утра, оружие найти можем. Хотя бы охотничье.

– Поехали к Петровичу, в «Блокпост».

Петрович оказался крепким мужиком, лет пятидесяти. Встретил он гостей в своём кабинете. Пока Петька излагал просьбу, хозяин пристально рассматривал пришлого. Внезапно прервал монолог Шмеля:

– Федькин дом, – твоя работа? – Спросил он, обращаясь к Буряту. Тот усмехнулся, ответил вопросом на вопрос:

– Откуда информация?

– Если ты в еврея решил поиграть, и вопросами отвечать, нет проблем. Я сейчас бутылочку выставлю, закусточку. Петьке по балде настучу, и в погреб отправлю, чтоб у взрослых дяденек под ногами не путался. И можем до следующего вечера, в словоблудии изощряться. А если хочешь, чтоб твою просьбу выполнили, отвечай по-человечески, не тряс пейсами.

Бурят с Петровичем слегка пободались взглядами. Затем Мишка ответил:

– Принято. Работа моя. Хвост зачистил.

– Грамотно.

– Учили хорошо.

– Хм. Что конкретно нужно?

– Если есть выбор, то калаш с боекомплект, и короткоствол с тихарём.

– А что один комплект?

– Если возможность есть, так и так без ствола, зятя будущего не оставишь.– Улыбнулся Бурят.

– Тоже верно.– Ответно заулыбался хозяин.– Калаш семёрки, пистолет ТТ с самопальным глушителем. Устроит?

– Самое оно. Семёра, – мой размерчик. Ещё бы из холодняка чего, и можешь цену говорить. Рассчитаюсь сразу.

– Ишь, буратина богатенький. Вернёшь после всё, целеньким и почищенным. И оболтуса этого лопухого, в полной комплектации верни. А ножичек я тебе подарю. Глянул ты мне.–

Петрович выдвинул ящик стола, вынул клинок в ножнах, и бросил его Мишке. Тот поймал, быстрым движением расстегнул фиксатор, вынул клинок. Крутанул его в руке.

– «Ка Бар», знатный клинок.– Вставил нож в ножны, продолжил:– Вернуть в целости, не могу обещать. Бог даст, и Шмель крылышки не обломает, и стволы к тебе вернутся. Ну а нет...

До заброшенного зернотока, где находился тайник Шмеля с Самсоном, парней довёз Петрович. Помог выгрузиться, пожал руку Буряту, приобнял Шмеля:

– Дашь себя подстрелить поросёнок, к Любашке больше не подпушу.

После отъезда Петровича, Мишка осмотрелся. Зерноток стоял от трассы, метрах в пятистах. К нему вёл просёлочек, сейчас заваленный снегом, и оттого непроезжий. Снегопада не было давно, всё вокруг заброшенных строений было испещрено следами, различной давности.

– Значит так, Шмель. Ты идёшь на ток, первым делом перепрячь наркоту. Потом займи позицию, чтоб подход с этой стороны держать. Когда вражины приедут, и пойдут на ток, дождёшься когда они половину расстояния пройдут, начнёшь по ним шмелять. Не старайся особо попасть, главное заставь их залечь. Засядь так, чтоб я в сектор не попал, не хотелось бы от тебя пулю получить. А я здесь залягу. Если водители останутся, я их утихомирю, и с тыла остальных прижму.

– Миш, с ними же Самсон будет?

– Сашка боевой офицер, сообразит упасть, и носом в землю закопаться. И тебе, я потому и говорю, чтоб особо чудеса снайпинга не показывал. Вообще, поверх голов можешь стрелять.

Шмель ушёл на позицию, Мишка начал готовить свою. С левой стороны трассы был вполне приличный кювет. Мишка раскопал его, перекрыл досками привезёнными с собой, сверху постелил полиэтиленовую плёнку. Закидал снегом. Обошёл вокруг, осматривая. Поднялся на дорогу, посмотрел оттуда.

– Годится.

Наломал веник из придорожных кустов, замёл следы вокруг и за собой, забрался в лёжку.

– Появятся они не раньше 9—10 часов утра. Времени много, можно и подремать.

Почти сразу провалился в полудрёму. Такое пограничное состояние, знакомо каждому, кто часто находился в караулах, засадах и дозорах. Мозг вроде бы и уснул, но сигнальная система продолжает бдить, и подаёт сигнал при малейшем шорохе.

«Монастырская братва» подъехала около девяти часов. На двух машинах. Остановились у поворота на зерноток, захлопали дверцы. Недолго потоптались, затем основной гомон стал удаляться. Оставшиеся у машин, о чём-то оживлённо переговаривались, затем из одной из машин, раздался музон. Всенепременная «Бутырка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.